

ФИГАРО ОТ ПОЯСА И НИЖЕ

Эротика в современном театре и при дворе Екатерины Великой

Григорий Заславский

НЕКОТОРОЕ время я сомневался — писать или не писать? Эротика или порнография? Полагаюсь на свой взыскательный вкус и берусь за перо.

В стокгольмской «Фолькопере» поют «Свадьбу Фигаро» на шведском. Зритель не обязан знать, что там натворил Фигаро у Бомарше и чему чуть позже посвятил свою музыку В.-А. Моцарт. А потому ему перво-наперво надо рассказать историю.

Начать, однако, следует с того, что всех солистов режиссер Стефан Вольдемар Хольм вырядил в джинсы: (сценографии — почти никакой, сцена заполняется время от времени только железной кроватью на колесиках, но автор костюмов Бенге Ликке Мюллер значится и сочинителем сценографии). Не буквально в «Левисе», — просто костюмы того времени сшили из понятного всем материала. У Фигаро — Микаэла Аксельсона — длиннополый сюртук из квадратиков разноцветной джинсовой ткани и брюки клеш (в каком-то смысле — тоже то время, — наши, во всяком случае, их не назывешь), у Сюзанны — джинсовая рубашка завязана узлом на животе, таким образом открытым, и юбка — из тех же лоскутов. Плюс — навечно, кажется, «приклеившаяся» к голове — голубенькая вязаная шапочка с помпоном. Начать, впрочем, следовало бы не с этого.

На занавесе «Свадьбы Фигаро» — выписка из какого-то толкового словаря, объясняющая в нескольких строчках, что за ерунда такая — право первой ночи. Для спектакля это, как выясняется, не слишком важно, но для общего образования — в самый раз.

Пели так себе. Зато оркестр под управлением молодого дирижера Стефана Карпе играл вполне прилично.

Оркестр в «Свадьбе Фигаро» располагается не в яме, а наверху, на площадке, которая становится продолжением балкона за сцену, и там, на глазах зрителей, рождается музыка. Из духа комедии — в данном случае, если быть точнее — грубого фарса. Первая сцена вся разворачивается на кровати. Это еще понятно: Фигаро, Сюзанна, томительное ожидание свадьбы — просто невмочь. Но через сцену также настойчиво и в общем с тем же успехом (то есть вполне успешно) будет заваливать Сюзанну граф Альмавива, здесь — в длиннополом черном пальто из лайки, наголо бритый, — буквально сошедший с каких-то сало-мазохистских картинок. Во время встречи Сюзанны с Керубино юный шалун, не теряясь и не размениваясь на мелочи, тут же хватается Сюзанну за грудь, а она пригоршней ловит его за штаны. И они целуются врасплох. Графиня туда же — пока одна, ей вроде бы хватало нежности «мягких уродов», — она лежит на 14 матрацах среди бесчисленных собачек и зайцев, но как только к ней входит Керубино, она живо подмечает его выпирающее достоинство и принимает за буквально преследовать резвого мальчика. Некоторые сцены странным образом напоминают вышедший двумя годами раньше московский спектакль Александра Тителя и Игоря Ясуловича. Скажем, «московский» Альмавива приходит освободить спрятавшегося Керубино с «анакронической» газовой горелкой, в «Фолькопере» он появляется с не менее неожиданным инструментом — разводным ключом и альпинистским топориком.

В «вечернем» акте — в самых укромных и темных уголках парка — все, естественно, узнают и ошибаются «на ощупь». В финале — с народом-хором — разворачи-

вается сцена всеобщего счастливого соединения — где-то по двое, а где-то и рабочими «тройками». Короче говоря, непонятно только, из-за чего, собственно, мог разгореться сыр-бор, если такое «свободомыслие» в ходу в этом доме.

Что касается свободы нравов, то театр — место почти исключительное. В Стокгольме с этим, чувствуется, строго. Другое дело — если речь об истории, которая за давностью, как известно, лет... На выставке «Екатерина Великая и Густав Третий», которая до конца февраля будет открыта в стенах Национального музея, можно увидеть кое-что похлеще тех картинок, что сложились в воспаленном театральном мозгу Стефана Хольма.

Выставка эта действительно уникальная, и, конечно, не только собранными в одном из залов

полка и такого... Парадные портреты: Екатерина — властительница и совсем старушка, чем-то даже похожая на — прости, Господи! — Анну Ахматову... Детский камзол Павла Первого. Маска, с которой Густав Третий явился на свой последний маскарад.

Россия представлена экспонатами из Эрмитажа и Русского музея. «Несбалансированность» коллекций иногда обнаруживается довольно грубо — в зале, где собраны мебель и посуда из царских и королевских дворцов, с российской «стороны» (а вся выставка построена «парно» — если на одной стене висят портреты родителей Густава Третьего, то на соседней — родители Екатерины Великой) — две пустые полки, на которые не хватило царского фарфора. Сразу же после закрытия в Стокгольме выставка переместится в Петербург, но туда,

идет на ящиках с пивом — бутылки идут «на ура». А в особенно драматические моменты он прячется за занавесочкой, где для него «припасен» унитаз... С тем, что на сцену то и дело валятся какие-то пьяные полулюди-полутени, выцветшие существа, которых Дон Жуан поражает, не церемонясь и без особых физических затрат. Короче говоря, с тем, что происходившее на сцене совсем не так плохо, как показалось вначале. Быть может, причина — в самой замечательной актерской паре Дон Жуана и Сганареля. Тут оба — идеалисты и оба — романтики, хотя обоим не чужды «телесные» заботы и Сганарель не прочь побыть Дон Жуаном. Да только у него не получается ничего.

Описания в отрыве от всего представления, финальная мизансцена может разве шокировать. Ну да ладно. Надо только предвез-

Сганарель (Дуглас Юхансон) и Дон Жуан (Кlaus Лунгмарк) в спектакле Линуса Тунстрёма.

музея карикатурами вольного содержания. Современники великой самодержицы, оказывается, умели смотреть на властительницу с довольно злой иронией. И клеймили ее, так сказать, с другой стороны. Не с той, с которой Радищев... В соседнем зале — парадные портреты Григория Орлова, Потемкина, Ланского, а тут, в карикатурном изображении, все они без мундиров, зато с... Ох уж эти ироничные аллитерации, рожденные рисунками осмнадцатого века! «Екатерина готова предстать перед Страшным Судом»: старая изможденная женщина складывает ладони в молитвенном смиреннии, груди свисают, а на руках ее висят такие же свисшие и обессилевшие члены. Хулиганство, одним словом.

Несколько скучная по экспозиции — по самой организации пространства, вовсе лишенной какой-либо театральности (без чего невозможно представить то время, — ярких и красочных торжественных действий шестей, парадов и маскарадов, иногда стоявших жизни его участникам...), выставка все же поражает размером. Кажется, устроители сумели подобрать все и из всех частных коллекций и, конечно, из всех шведских музеев, что так или иначе связано с родственно-дружескими, но временами достаточно напряженными отношениями между дальними родственниками и соседями — русской царицей Екатериной и шведским королем Густавом Третьим. Картины, дневники — Екатерины, ее придворных, дневники сопровождавших Густава Третьего во время его путешествия в Россию, картины из собрания Екатерины и картины из собрания Густава. Облечение Екатерины такого-то

конечно, не «доедут» многие частные реликвии.

Линус Тунстрём — режиссер модный. И потому на его «Дон Жуана» сквозь ветер и непогоду зрители бредут через мост на один из островов в центре города, где расположен театр «Галеазен».

Написано — по Мольеру, хотя спектакль совсем не по нему. Тут больше от театра «Галеазен» и от самого Тунстрёма, который заодно с актерами вдоволь покуражился над дряхлыми «французскими» бродягами (в том смысле, что сюжет стал бродячим). У Тунстрёма спектакль начинается выходом совершенно замерзшего Сганареля, который радуется первой же возможности согреться пивом (я писал уже о сценической любви шведских актеров к полузапретному в Швеции алкоголю и дорогим сигаретам). Вся история разворачивается то ли на вокзале, так облюбованном другим европейским режиссером, знаменитым Морталером, то ли в буфете для выдержанных временем героев. То и дело снуют туда-сюда какие-то старушки и старички, пьяные и просто веселые. Пожилая пенсионерка в кожаном коричневом пальто и в берете, из-под которого торчат аккуратненькие красные рыжие прядки, оказывается Шарлоттой (Элизабет Свенсон). Но Дон Жуан (Кlaus Лунгмарк) здесь — романтический любовник в духе русского Дон Гуана. Не выпуская из рук бутылку пива, он отстраняет в сторону юную красотку и отдаётся старой своей страсти. Что ж поделаешь, если это любовь!

Не сразу смиряешься с тем, что Сганарель и то дело валится на пол, потому как ему не дают си-

домить читателя, что первая встреча с Командором происходит не на кладбище, а еще в морге, куда заглядывает пара старых шиников. И Командор не помахивает им ручкой и не кивает — после того, как Дон Жуан вдоволь наиграется с окоченевшим телом и посадит его меж собою и Сганарелем, сунув в руку бутылку пива, тот просто отхлебнет однажды, и именно это едва не сведет с ума обоим безбожников. Не памятник, а непогребенное тело Командора является на последний пир. Но не испугает Дон Жуана, который смело стащит с себя штаны, а следом и трусы и помашет перед ним тем, что так влекло на протяжении последних полутора часов Дону Эльвиру, Шарлотту, и прочих персонажей женского пола, которых «делая между собой» у Тунстрёма две актрисы (а он, кажется, больше искал среди них собеседниц и субтильных, понимания и сочувствия — совсем по-русски!). Можно догадаться, что делает Командор — он хватается Дон Жуана за ящик! Конечно, так еще никто не ставил, и решение просто носилось в воздухе! Дон Жуан падает от боли и сворачивается в три погибели. Потом встать и первым делом пытается проверить — не потерял ли в «схватке» его главный талант. Но то ли рука не слушается, то ли то, другое... Жизнь теряет смысл, и тогда только Дон Жуан падает навеки.

Такой поворот, возможно, удивил бы Мольера. Возможно также, что он отказался бы узнать в спектакле Тунстрёма своих героев. Но публика приветствовала актеров с воодушевлением.

Метафоры были и впрямь излишне прямолинейны. Однако — в духе сюжета.

Стокгольм—Москва